

Эта вода не считается за живую.
Эти фонтаны бьют для гостей и СМИ.
И, если я здесь всё ещё существую,
то мимоходом, в прозрачности и в тени.

Я на асфальте писала хрустальным мелом:
«Кем бы ты ни был, услышь и приди в мой кров».
Правил не знала и мел держать не умела,
но в мою тень приходят слова ветров.

На губах ветров – дрожание и кружение,
В шагах ветров – мир шелестит весной.
Мне говорят: «Если ты достойна сражения,
то только с мельницей, с мельницей ветряной».
Шторм бьётся,
шторм быть с толпой отказывается,
клянётся волнистой своей головой.
Кричу огромному городу, что, оказывается,
смерти не существует, как таковой;
что от всех тупиков может спасти дорога,
и, если в гортани ком, непременно плачь;
что этот скептик, наверное, верит в Бога,
а этот романтик свой украшает плащ.
Но и мой плащ – из солнечных украшений.
Небо дало мне это с ребячьих игр.
В закате, как в киноленте, стрижей кружение.
Я в этом кадре – сто сорок пятый титр.
Подлинность стала кадром. Не в этом дело.
Мой визави, дай мне руку и не вини:
если и здесь исканиям нет предела,
значит, для неба, истинно, нет тени.

ПО СИБИРСКОМУ ТРАКТУ

Этой песни нет причины,
а дороге нет конца.
Перелески и ложбины,
мчит кибитка от крыльца,
где висели транспаранты,
где прогнали нас... тихи,
мы везем, как контрабанду,
философские стихи.

Лёд растает, мир растопчет,
смолкнут друг и визави,
смутный век не обесточит
нежности в моей крови.

Таёт ночь в дорожном звоне.
честь и слава на кону,
но оврагом мчатся кони,
Пуркуа-Па и Антр-Ну.

Путь фиалками не выслан,
враг-неясыть, не кричи.
Дерзким взглядом фальшь от истин
отделим и отличим:
белладонна или клевер,
дым ли, тень ли облаков.
«Вы играете на флейте?»
«Наш мотив порой таков,
что и в резком интервале
не рождает диссонанс».
«Вы ещё не открывали
старой повести о нас?»

А дорога длится, длится,
за пригорком косогор.
Всё на свете повторится,
даже этот разговор.
Будет лёд хрустящ и тонок,
синий сумрак, белый дым,
и какой-нибудь потомок
вскрикнет голосом моим,

Всё о том, что годы сгинут
в объясненьях и борьбе,
всё о том, что нас не примут
в чьей-то маленькой избе.

Мы летим в лучах свободы,
по унылым мостовым.
Провода и кьюар-коды,
вал, погост, дорожный дым.
А свои нас ждут в опальных,
избах, светлых от лучин.
Нас, надменных и нахальных,
мир не сможет отличить
от теней, от смеха в рощи,
миражей в ночной дали.
Мы хотели стать чуть проще и земнее.
Не смогли.

Быть плеядами в эфире,
быть сиянием в пути
ни один догматик в мире
нам не сможет запретить.

Но тяжёлые засовы сдвинет робкая рука:
«Чьи там кони? С кем вы? Кто вы?
Нам не велено впускать!»

«Вы чужие» – мы чужие...
Пыль столбом и звон подков!
Будем петь, пока мы живы,
не тая превратных слов,

что, поскольку у истока
их прихода боль и сны, –
дрожью, пылью и дорогой,
и терзаньем рождены.

А дорога длится, длится,
наша песня вновь проста.
Нам дано однажды сбыться,
и в кибитке есть места.

Путь проделанный недолог.
Мчим, куда покажет Бог...

Сохранит ночной просёлок
грустной песни эпилог.